

К Р А Т К А Я

И С Т О Р И Я

в фотографиях Саши Гусова

и текстах Евгения Водолазкина

Ц И В И Л

И З А Ц И И

Предисловие
8

1

Начало
11

5

Одежда
99

6

Мореплавание
129

3

Время перемен
55

7

Познавая мир
147

2

Животные
29

4

Еда
77

8

Эпоха Большой Любви
177

11

Фотография
255

10

Пробуждение
229

13

Культура
303

9

Сон
207

12

Потребности
и потребление
277

Индекс фотографий
338

Эта книга — краткий очерк истории цивилизации с древнейших времен до сегодняшнего дня. Прежде чем приступить к изложению истории, следует сказать несколько слов, которые по месту их расположения можно охарактеризовать как доисторические.

Уникальность издания состоит в том, что все разделы этой истории проиллюстрированы фотографиями Саши Гусова. Если же быть совсем точным, то это комментарии к Сашиним фотографиям, которые отражают развитие цивилизации от ее начальных этапов до нынешнего состояния.

Саше Гусову довелось родиться в то далекое время, когда преимущество фотографии перед наскальной живописью было еще неочевидно. Снисходительная улыбка, запечатленная на селфи, — это, пожалуй, единственное, что у нашего современника способна вызвать фотографическая техника тех давно минувших лет.

Гусов принадлежит к старшему поколению фотографов. Их время было эпохой великой простоты, что отразилось даже на именах ее представителей. Тогдашние люди предпочитали короткие, легко произносимые имена — Саша или, допустим, Бобби, в то время как произнесение полных имен еще вызывало трудности. Стоит ли удивляться, что имя Александр, оканчивающееся на три согласных, считалось неприемлемым. Консерватор и однолюб, Гусов остался верен своему краткому имени и впоследствии. С ним он начинал фотографическую карьеру, с ним же достиг своих вершин.

Каменные фотоаппараты с весьма приблизительной оптикой из бычьего пузыря (позднее его заменил отшлифованный горный хрусталь) не давали надлежащей глубины резкости и вообще были крайне ненадежны. Затвор нередко заедало, и в момент съемки его приходилось вколачивать молотком, что в конечном счете не могло не отразиться на качестве снимков.

Но было у тогдашней фотографии то, чего, кажется, она напрочь лишена сейчас: горение молодого искусства. Были романтические ночи, проведенные в ожидании молнии, без которой съемка в темное время суток не представлялась возможной. Свет костров был безнадежно слаб, да и разводились они недопустимо долго.

В отличие от изможденных очкариков, представляющих тип современного фотографа, парни первых веков фотографии отличались недюжинной силой. Это было главным условием освоения профессии: фотокамеры были очень тяжелы.

Отблески прежней самоотверженности фотографов мы видим сейчас на лицах страдальцев, носящих на обзорных экскурсиях огромные объективы-телевики. На замечания коллег-туристов, что такой объектив нужен разве что при панорамных снимках или снимках с большого расстояния, они лишь молча сопят, вытирая пот со лба. Пораженческие настроения им неведомы. Дело ведь не в расстоянии и не в панорамных снимках, а в победе духа над плотью.

Стоит ли удивляться, что ровесник фотографии Саша Гусов отличается отменным здоровьем и хорошей спортивной формой. Впрочем, уже в те доисторические времена техника двигалась вперед семимильными шагами, и вскоре фотолюбители получили более компактные фотоаппараты. Интерес к фотографии, и так уже достаточно высокий, с уменьшением веса фотокамер стал зашкаливать.

Что греха таить: мне тоже хотелось стать фотографом. У меня был фотоаппарат с красивым названием «Смена 8 М», которое олицетворяло идею сменяемости (цифра обозначала восьмую модификацию камеры) и модернизации (буква М). В истории мировой фототехники были, возможно, изделия и более совершенные, но и с этим я научился многому. Кроме, пожалуй, одного: заряжать пленку в одностворчатый проявочный бачок. Если бы не это обстоятельство, не исключая, что был бы сейчас таким же знаменитым фотографом, как Саша Гусов, вовремя научившийся проявлять пленку. Я снимал бы балерин, народных артистов и глав правительств. Но особенно, конечно, балерин.

Ввиду моей феноменальной неспособности зарядить пленку в бачок я не снимаю сейчас никого — и, не овладев светописью (так переводится с греческого *фотография*), пишу словом. Словесный портрет не выдерживает, разумеется, никакого сравнения с фотографией, да я и не пытаюсь здесь соревноваться. Цель моих заметок гораздо скромнее: дать краткий очерк цивилизации, подарившей миру, среди прочего, публикуемые снимки.

Евгений Водолазкин

1

НАЧАЛО

Существует мнение, что история цивилизации начиналась в пустыне – месте, строго говоря, не самом цивилизованном. Даже если это красивая легенда, приятно, согласитесь, когда что-то начинается на пустом месте.

Сюда не ступала нога человека, кроме, пожалуй, ноги Саши Гусова, на чьих фотографиях – выжженная, растрескавшаяся земля.

В этих краях мы не увидим тенистых дубрав и журчащих ручьев. В лучшем случае в кадре мелькнет привидение, некогда бывшее деревом.

Не будучи знакомы с ботаникой, этот и ему подобные артефакты мы с Гусовым обычно называем саксаулом. В конце концов, я думаю, нам это простительно.

Мне рассказывали о человеке, который называл саксаулами аксакалов, не подозревая о том, что допускает грубейшую ошибку.

Порой мы и сами чувствуем себя аксакалами, а уж на фоне вышеупомянутых балерин всё больше, видимо, напоминаем саксаул.

Но довольно о флоре, потому что не только флоры – в пустыне не было и фауны, кроме разве что ящериц, настолько мелких, что на фотографиях они просто не видны. Восполняя нехватку животных и растений, природа, этот неутомимый художник, создала ряд шедевров, делающих пустыню неотразимой.

Природа выветривала скалы, перетирая их в песок, который затем щедро разбрасывала по всему пространству пустыни.

Но всякая красота требует своего зрителя,
и эта роль не по силам ни ящерице, ни саксаулу.

Оценить красоту может лишь человек.
И человек появился.

Он шел легкой пружинящей походкой,
и за ним двигалась его тень.

Человек молчаливо удивлялся длине своей тени,
потому что тени в то давнее время были
гораздо длиннее, чем сейчас.

Человек удивлялся всему:
всё для него здесь было впервые.

Удивление неотделимо от людей, и живы они,
в сущности, до тех пор, пока способны удивляться.
Завороженные открывшимся им миром,
некоторые погружались в тихую задумчивость.

Люди знакомились с природой и друг с другом.
Это позволило им понять, что они разные, но их различие
не мешало им радоваться вместе.

